

трансформация образов, составляющих следующий блок, и опять до перехода в новое качество и т. д.

Итак, в ходе исследования динамики графического образа костюма в исторической перспективе выявлены следующие особенности:

- до XX в. данный процесс можно выразить цепочкой: *«производный» образ костюма – образ «прототип» – «прообраз»*, после XX в. происходит инверсия этапов, т. е. в современном процессе графического проектирования костюма данная трансформация рассматривается в обратном направлении и выражается цепочкой: *«прообраз» – образ «прототип» – «производный» образ костюма*;

- рассматривая графическое проектирование костюма как часть производственного процесса, динамика графического образа костюма представляется как последовательность этапов, в которой каждому этапу соответствует определенный тип графического образа костюма;

- внутри каждого типа графического образа костюма также наблюдается ряд последовательных преобразований, которые можно анализировать с позиции понятия «трансформация».

1. Глазычев В. Л. Способы представления художественного конструирования // Теоретические и методологические исследования в дизайне. М., 2004.

2. Глазычев В. Л. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М.: Искусство, 1970. 191 с.

3. Розенсон И. А. Основы теории дизайна. СПб.: Питер, 2007.

Статья поступила в редакцию 26.10.2010 г.

УДК 75.23/28

Л. А. Армеева

ОБУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОМУ ИКОНОПИСАНИЮ В РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА (на примере иконописного училища при Троице-Сергиевой лавре)

В статье прослеживается история иконописного училища в Троице-Сергиевой лавре в конце XVIII – начале XIX в. В этот период в училище были предприняты попытки возрождения традиционного иконописания вместо существовавшего в нем живописного направления. Начинания на этом пути были прерваны военными и революционными событиями начала XX в.

Ключевые слова: иконописное училище, традиционное иконописание, возрождение традиции, Троице-Сергиева лавра, академик В. Д. Фартусов, иконописцы из Палеха.

АРМЕЕВА Людмила Алексеевна – преподаватель Московской Православной Духовной Академии, г. Сергиев Посад (E-mail: Armeeva@yandex.ru).

© Армеева Л. А., 2010

С момента принятия христианства на Руси в качестве государственной религии началось бурное развитие всех видов церковного искусства, в том числе и иконописи. Достигнув своих высот к XIV–XV вв. – эпохе Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия, – уже в XVI в. отечественное иконописание начинает испытывать сильное западное влияние, которое впоследствии стало преобладающим. В XVIII – начале XIX в. традиционную икону писали лишь в глубокой провинции, тогда как образцом считался господствующий живописный стиль – барокко или классицизм. Вместе с тем к концу XIX в. достижения в области реставрации открыли изумленным современникам всю красоту древней иконы. В связи с этим резко увеличился интерес к древнерусской иконе. Появились как отдельные мастера, более или менее успешно имитирующие соответствующий стиль (как, например, В. М. Васнецов или М. В. Нестеров), так и попытки создания полноценных школ, ориентирующихся на традиционное иконописание. В их числе особо стоит отметить иконописное училище при Троице-Сергиевой лавре.

Это училище, окончательно сформировавшееся к 1885 г., фактически возникло путем объединения двух образовательных учреждений: иконописной школы при Троице-Сергиевой лавре и Московского епархиального училища иконописания и ремесел, относящихся к украшению храмов (далее: Московское епархиальное училище иконописания). Первое из них, основанное в 1746 г., в дальнейшем неоднократно меняло свой статус, нередко находясь под угрозой полного закрытия и, в конечном счете, во многом стало подготовительным и ремесленным классом для лаврской иконописной мастерской. В свою очередь, Московское епархиальное училище иконописания было основано в 1873 г. именно в видах обучения древнерусской иконописи, но за первые 12 лет своего существования в Москве целей явно не достигло и по этой причине было переведено в Троице-Сергиеву лавру. Московское епархиальное училище иконописания объединили с уже имевшейся в лавре иконописной (живописной) школой, и на новой организационной и технической базе предприняли следующую попытку решить поставленную задачу. На лаврское училище иконописания в этот период возлагали большие надежды ученый-византолог Н. П. Кондаков, академик живописи, знаток древней иконы В. Д. Фартусов, известный церковный деятель и писатель архиепископ Никон (Рождественский), другие ученые, художники и общественные деятели. Император Николай II во время своего посещения лавры в 1912 г. живо интересовался судьбой училища.

Надо сказать, что тема иконописания в лавре накануне революционных событий 1917 г. еще ждет своего исследователя. Возможно, на ее слабой изученности сказался тот факт, что политические потрясения первых десятилетий XX в. прервали все благоприятные тенденции в эволюции церковного искусства, поставив само его существование под угрозу полного уничтожения. Последующие за этим более 70 лет существования атеистического Советского Союза отнюдь не поддерживали интереса ученых к данной проблеме, архивные материалы лежали

невостребованными и поэтому сегодня еще достаточно много белых пятен в исследовании этого периода. Это заметно на фоне ряда работ, посвященных предыдущим периодам лаврского иконописания [1; 2; 3; 4]. Особое значение в исследовании заявленной темы представляют архивные материалы из 1204 фонда Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Мы считаем, что данная тема заслуживает детального и глубокого изучения, так как любой опыт крайне важен при создании современных иконописных школ и мастерских. В этой же работе акцент будет сделан преимущественно на истории училища в период с 1885 до 1917 г.

Итак, к 1885 г. состояние иконописной школы в Троице-Сергиевой лавре было следующим. После изъятия лаврских земельных владений в 1764 г. лишь благодаря влиянию Московского митрополита Платона (Левшина) семинария и школа смогли сохранить свое существование, но в течение последующего за этим полувека иконописная школа в лавре едва существовала. Фактически второе рождение она обрела в 1830-х гг. с приходом в лавру архимандрита Антония (Медведева). Преподобный Антоний уделял школе большое внимание. В 1849 г. для нее было построено специальное удобное помещение. К 1860-м гг. школа состояла уже из двух отделений: собственно учебных классов (в них занималось 60 мальчиков) и мастерской, где выполнялись различные заказы (до 20 человек) [1, 126]. Художественные ориентиры к середине XIX в. также изменились. За идеал была принята греческая иконопись [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 7253. Л. 12-14].

В 1860–80-е гг. руководство лаврскими иконописцами осуществлял иеромонах Симеон. Он был смотрителем школы и преподавал живопись, которой выучился самостоятельно. С о. Симеоном была связана ориентация лаврской школы на академическое письмо. Именно благодаря о. Симеону были установлены тесные контакты с палешанами, он формировал ассортимент мастерской, распределял заказы и следил за качеством работ [3, 381]. При о. Симеоне лаврская иконописная школа (чаще ее называют в это время живописной) была широко известна в церковном мире. В лаврскую школу в 1860–80-х гг. приезжали учиться православные молодые люди даже из других стран – Сербии, Болгарии, Греции, Боснии.

Московское епархиальное училище иконописания было создано по инициативе членов отдела иконоведения Общества любителей духовного просвещения. Располагалось оно на Ордынке, в собственном доме, пожертвованном специально для училища почетным потомственным гражданином купцом Д. И. Хлудовым. Несмотря на первоначальные обширные планы по возрождению иконописания, поставленные устроителями училища, результаты оказались более чем скромными. Московский митрополит Иоанникий (Руднев) в конце 1884 г. направил донесение в Святейший Синод, где прямо говорилось, что училище «за десять лет своего существования в Москве мало послужило выполнению предложенной благой цели». Почти половина (51) из 118 учащихся были исключены до окончания курса обучения. Из окончивших курс лишь семеро продолжали заниматься иконописанием. В связи с этим владыка предлагал перевести учили-

ще в Троице-Сергиеву лавру, так как там, кроме иконописной школы, давно существуют и хорошо устроены различные ремесленные мастерские, в которые можно было бы определять учеников, оказавшихся неспособными к искусству иконописания [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 2].

Таким образом, в октябре 1885 г. произошло соединение Московского епархиального училища иконописания и лаврской иконописной школы. В лавру прибыли 33 ученика из этого училища, а 7 были набраны дополнительно на вакантные места. Всего, согласно новому уставу, учащихся было 40 человек. Учеников разделили на три разряда: высший, средний и низший. Вновь прибывшим выделили для проживания Пятницкую башню. Иногородние учащиеся бывшей лаврской школы проживали в помещениях рядом с мастерской, а жители Сергиева Посада – по домам у своих родителей. Учебные классы вместе с лаврской мастерской находились в Казначейском корпусе на 3-м этаже. Смотрителем объединенного училища остался о. Симеон, а его помощником – иеромонах Тихон. Для преподавания предметов были приглашены сергиево-посадские священники – Николай Фаворский и Сергий Виноградов. Они же вошли в Совет училища [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23771. Л. 5]. На этом преобразования закончились, о. Симеон остался основным преподавателем живописного мастерства и, в целом, в системе подготовки иконописцев сравнительно мало что изменилось. Преподавание собственно иконописи, ради чего и был предпринят перевод училища из Москвы в лавру, так и не началось.

В 1897 г., после кончины о. Симеона, для преподавания живописи был приглашен выпускник Художественных классов (так тогда называлось Московское училище живописи, ваяния и зодчества) В. К. Бондарев, с рекомендацией «лучшего по искусству и по нравственности» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23697. Л. 2]. Он не внес ничего нового в систему преподавания и продолжил занятия по уставившимся при о. Симеоне правилам, оставаясь на этом послушании вплоть до закрытия школы.

В том же 1897 г. в Обществе любителей духовного просвещения сотрудники отдела иконоведения вспомнили о своем детице и обратились к Московскому митрополиту Сергию (Ляпидевскому) с просьбой о перенесении иконописной школы в Москву, так как сочли, что в училище не было достаточно организовано обучение традиционному иконописанию. На основании ходатайства отдела иконоведения, в своем донесении (№ 392 от 6.10.1898 г.) Святейшему Синоду уже митрополит Московский Владимир (Богоявленский) писал: «Училище, при настоящей постановке дела не соответствует своему назначению, так как обучение в нем идет главным образом живописному искусству, а не иконописи» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 14]. Впрочем, в мае 1900 г. отдел иконоведения сообщил митрополиту Владимиру «о невозможности, по обстоятельствам времени, осуществления своих предположений относительно означенного перевода» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 22].

Тем не менее м. Владимир очень внимательно отнесся к состоянию училища и попросил Совет училища представить ему подробный доклад, что и было исполнено. В докладе были изложены причины неудовлетворительного состояния

училища. Обращено внимание на значительное уменьшение денежных средств на содержание училища (по расчетам Совета, практически в три раза по сравнению с московским периодом). Высказано предположение, что ограничение в средствах привело к тому, что училище оставалось без преподавателя иконописи («по неимению в виду способного для сего лица и по скучности средств училища» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 3]. «Преподавание иконописи было совершенно упущено из вида» (что было еще в Москве), а также и преподавание ремесел, о которых упоминается в Уставе училища, не было налажено. В училище принимаются дети бедного духовенства, без внимания к призванию учеников, зачастую уволенные из других училищ за неблагонадежность или оказавшиеся неспособными к учению. Выпускники, за редким исключением, не прилагаются в жизни тех знаний, которыми могли бы запастись в училище [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 7–8].

Отчасти прояснить положение дел может следующий интересный документ, найденный нами в РГАДА. Это донесение епархиального наблюдателя Александра Италинского м. Владимиру, инспектировавшему училище, несомненно, по благословению последнего. Италинский, посетивший училище 17–18 января 1901 г., присутствовал на проводимых занятиях, вел испытания учеников, осматривал все занимаемые помещения и в конце устроил общее совещание по разрешению вопросов училищной жизни, на котором собрались все члены Совета и преподаватели.

Проверяющий высказал целый ряд замечаний по общеобразовательной подготовке, по обучению специальным предметам и по управлению училищем. В числе причин неудовлетворительного положения им были названы, во-первых, принятие малоспособных и уволенных из других училищ учеников и недостаточное число учителей (из-за неимения средств). Во-вторых, невнимательное отношение к учебным занятиям, которым посвящается малое количество времени (2 часа в день – с 5 до 7 вечера), а также отсутствие определенных программ, руководств и учебников. Еще большие претензии были предъявлены им к специальным предметам. Италинский писал, что «само иконописание преподается, собственно, в формах подготовительных: ученики рисуют с гипсовых фигур, копируют рисунки, красками рисуют с манекенов, копируют и иконы; а иконописи в строгом смысле нет» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 34–35]. Касательно несоблюдения Устава училища он обратил внимание на количество учащихся: вместо предполагаемых 40 человек учится 57 живущих в пансионе и 25 приходящих, т. е. всего 82 человека. И далее он сделал следующий, в целом неблагоприятный и достаточно жесткий для школы, вывод: «Отсюда выпустить настоящих профессиональных иконописцев, как это требуется по существу школы, не удается» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 35]. Он предложил провести полную реорганизацию училища и выработать новый устав, обратить внимание и на материальную сторону дела и на решение тех задач, которые будут положены в основу училища. В частности, были названы следующие неотложные меры: ограничить число учащихся до 40 человек, не задерживать тех из них, кто не проявил способности или желания к рисованию, кроме того, увеличить количество и

время учебных занятий, более грамотно распределить занятия между преподавателями и выработать расписание уроков.

В результате этого донесения и доклада Совета училища м. Владимир обратился с просьбой о составлении нового проекта иконописного училища к известному знатоку древней иконы, иконописцу-практику, академику живописи В. Д. Фартусову. Уже в 1902 г. Фартусов представил проект с рядом полезных инноваций. В частности, он предложил увеличить возраст приступающих к изучению иконописания подростков – строго с 14–15 лет, при этом смотреть, чтобы они были предварительно обучены грамоте, чтобы они «по природной наклонности и их любви к искусству чертили разнообразные рисунки и увлекались этим» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 35]. Также он предложил увеличить время на изучение иконописания. Помимо прочего, предложения коснулись распорядка учебы и обучения по классам (с 1-го по 4-й). За лучшие работы рекомендовано было выдавать учащимся награды и медали, а раз в год устраивать выставки ученических работ.

Проект академика В. Д. Фартусова оказался очень близок программам иконописного класса в Санкт-Петербургской семинарии (открыт в 1844 г.) и иконописного класса при Императорской Академии Художеств (учрежден в 1856 г.). В нем четко обозначилась идея подготовки образованных иконописцев, иконописцев-художников, способных решать творческие задачи в рамках канонического церковного искусства.

Хотя этот и другие проекты полностью реализованы не были, но наметились и некоторые положительные сдвиги. В 1905 г. по рекомендации Н. П. Кондакова из Москвы в лавру прибыл иконописец-«доличник» Н. П. Клыков, связанный с иконописной мастерской известного «московского мастерца» М. И. Дикарева. В прошении Клыкова о зачислении его на должность оговаривался порядок занятий – зимой и летом они должны продолжаться не менее 6 часов, в два приема – утром и вечером. Каникулы для учеников, занимающихся иконописью, положены были летом – не более 1 месяца. До 1908 г. Клыков выполнял также обязанности преподавателя-«личника».

В 1908 г., после его ухода, в качестве преподавателей в училище были приглашены другие мастера. Это были два иконописца из Палеха, «лучшие по мастерству и благонадежные по поведению» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 14]: «доличник» П. А. Плеханов и «личник» И. П. Сафонов. Оба они оставались в лавре до середины 1918 г., когда было решено ввиду трудного военного времени прекратить занятия в училище иконописания [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 14].

Последние несколько лет учебный год в училище начинался позже обычного – с октября, так как большинство учащихся были вынуждены задерживаться в домах своих родителей, чтобы помочь им убрать урожай. Священноначалие училища с пониманием относилось к этой ситуации. Инспектор училища иеромонах Ионафан (Чистяков) писал Совету училища: «Недостаток насыщенного хлеба, одежды, обуви воспитанники или сами восполняют своими трудами в каникулы, или при помощи своих родственников. А совсем неимущие довольствуются тем, что дает им лавра. Нужда насыщенного хлеба обостряется все более, отопление поме-

щений крайне обременительно для лавры, да и на содержание самой школы средства весьма ограниченные» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 2]. В связи с этим он предлагает закончить учебный год ранее обычного, «на сырной седмице» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 2]. В удостоверении, выданном иеромонаху Ионафану в декабре 1918 г., указано: «С окончанием 1917/18 учебного года за неимением средств и материалов училище временно закрыто» [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 14]. Нужно сказать, что хотя официальное закрытие училища произошло летом 1918 г., фактически, весь этот последний учебный год училище существовало名义上: занятия проводились всего несколько зимних месяцев, причем далеко не в полном объеме, закончились ранней весной, и новый набор учащихся не проводился.

Таким образом, пока нельзя уверенно сказать, получилось ли поднять подготовку в училище в первые десятилетия XX в. на качественно новый уровень. Очевидно, что, несмотря на все приложенные усилия, удалось справиться далеко не со всеми поставленными задачами. Например, когда в 1907 г. Комитет попечительства о русской иконописи предложил наместнику лавры о. Товии обратить внимание на более серьезное преподавание иконографии и церковной археологии «для более правильного понимания иконописи» и рекомендовал в качестве преподавателя известного профессора Духовной академии А. П. Голубцова [РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23788. Л. 1], то получил весьма исчерпывающий ответ. Совет училища посчитал, что уровень способностей учеников не соответствует уровню преподавания профессора Голубцова, и что для учеников школы – при согласии ввести предложенные дисциплины – будет достаточно, если их будет читать училищный преподаватель Закона Божия. Похоже, что поднять уровень школы, где бы готовили не простых ремесленников-иконописцев, а творчески мыслящих, образованных церковных художников на тот исторический период все-таки не получалось. Возможно, в немалой степени этому помешали и внешние причины: революционные волнения 1905 г. и начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, а Октябрьская революция 1917 г. окончательно пресекла все намечавшиеся начинания.

1. Арсений, иеромонах. Исторические сведения об иконописании в Троице-Сергиевой Лавре // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873.
2. Голубцов А. П. О начале, первых деятелях (1744–1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой лавры // Богословский вестник. СТСЛ, 1903. Т. 2. Июнь.
3. Черкашина Г. П. Иконописное дело Троице-Сергиевой лавры 1764–1917 гг. (Общая характеристика деятельности иконописной мастерской) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы Международной конференции 29 сентября – 1 октября 1998 г. М., 2000.
4. Шитова Л. А. Живописная школа Троице-Сергиева монастыря в XVIII в. // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия: сб. ст. М., 2001.